

КРОКОДИЛ

В ЯНВАРЕ 1979 ГОДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 325 ЛЕТ ВОССОЕДИНЕНИЯ УКРАИНЫ С РОССИЕЙ

В ДРУЖЕСКОМ КРУГУ

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

РАССКАЗ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА — ОБ ЭТОЙ БОЛЬШОЙ СЕМЬЕ НАРОДОВ-БРАТЬЕВ. *(См. стр. 2—3.)*

Леонид ЕФИМОВ, специальный корреспондент Крокодила

С ЧЕГО НАЧИНАЕТСЯ САМОЛЕТ

Взойти по трапу и пристегнуть к себе самолет. Все остальное берут на себя экипаж и службы наземного обеспечения. И, вылетев из Бухты Провидения, вы можете не только в тот же день, но и в тот же час прилететь в Шереметьево. Вы можете прилететь даже раньше, чем вылетели, что нисколько не противоречит нашему материалистическому мировоззрению. Поскольку летим через часовые пояса, обгоняя светило. И жаль даже, что Земля круглая, а то можно было бы оторваться от светила настолько, чтобы слетать во вчерашний день. Чтобы увидеть своими глазами, как стартовал первый летательный аппарат конструкции Антонова. Деревянный каркасик, обтянутый мадаполамчиком.

Не дожидаясь продувок в трубе, не дожидаясь заключения ЦАГИ, Антонов рвался лично поднять конструкцию в воздух. Но на взлетно-посадочной полосе уже раскинул руки начальник аэроклуба, словно его распяли на облаке.

— Вам хорошо, вы разобьетесь, а мне вкатают строгача с занесением!

Конечно, сегодня самолеты испытывают не так. Но у тех, кто созидает воздушный флот и сегодня, прежде всего должна отсутствовать боязнь высоты.

АНТОНОВ

По КБ генерального конструктора Антонова хожу затаив дыхание. Тем более что воздух — тоже рабочий материал, по которому рассчитывается подъемная сила крыла. Здесь что ни дверь, то идет колдовство над параболами неземных начертаний. И даже деревья за окном, тронутые изморозью, кажутся склепанными из дюраля.

Спрашиваю у Антонова Олега Константиновича:

— С чего начинается новый самолет?

— Понятия не имею,— отвечает Антонов, и в глазах у него такая честная просинь, какая бывает только в самую летную погоду.

Спешу на помощь:

— Может быть, самолет начинается с чертежа?

Но Антонов смотрит на меня так, будто я спросил у него, можно ли сделать «мертвую петлю» на трамвае.

— Хорошо,— в конце концов говорит генеральный,— я покажу на конкретном примере, какой путь проходит конструкция от замысла до внедрения.

Антонов подходит к стеллажу, с которого рвутся под потолок самолетные модели. Но вместо чего-нибудь сугубо летающего он берет в руки предмет, который проходит по номенклатуре хозторга как мыльница обыкновенная.

— С одной стороны,— поясняет Антонов,— основание мыльницы имеет по всему периметру дырки для отвода воды. С другой же — между данными дырками и плоскостью умывальника нет никакого зазора. Так что путь для воды заблокирован и конструкция бессмысленна.

Приделав к мыльнице четыре опоры, я коренным образом усовершенствовал данную конструкцию,— заключает Антонов.— Таким образом, можно прийти к выводу, что каждая конструкция обусловливается потребностями практики.

Между прочим, исходя из потребностей практики, он сконструировал себе письменный стол со всякими чудесами оргтехники. И если у него дома вы увидите самолетной сложности чертежи, это вполне может быть выкройка верхней одежды.

Что бы ни увидел Антонов, он примеряется тут же переделать. Если в предмете, конечно, имеются конструктивные недостатки.

Во дворе КБ стоит самолет. Собственно говоря, это уже не самолет, а памятник. Что же это за птица, что подлежит увековечению?

Самолетам, как и царям, дают порядковые номера. Так вот, Ан-2 — одна из первых в династии антоновских машин.

На ее счету не было межконтинентальных перелетов. И первый пилот, помогающий взобраться по трапу пассажиру с козой, не роняет через плечо второму пилоту:

— Гонолулу не принимает.

Да, в Гонолулу она не летает, зато Ан-2 могут принять на любых хоздворах. Не говоря уже о деревенской взлетно-посадочной полосе, которая упирается в малое вокзальное здание, прибитое к большой вывеске: «Аэропорт». Не случайно, что для работы на целине секретарь ЦК КП Казахстана Леонид Ильич Брежнев выбрал именно Ан-2. На Ан-2 можно определиться насчет посадочной площадки даже с воздуха, что полностью оценивают только пилоты. Но оценил и секретарь ЦК КП Казахстана, который, случалось, брал управление самолетом на себя.

Вот уже более тридцати лет летает Ан-2, и это, пожалуй, единственный случай в истории авиации, когда модель столько лет держится в воздухе.

Ан-2 — самолет интернациональный. Как и самая распространенная машина Аэрофлота — Ан-24. Как и Ан-22 — «Антей», самая большая машина, которая не ходила разве что в Австралию. Что же касается внутренних линий, то антоновские машины летают не только во всех республиках и областях. Они летают во все населенные пункты страны, в листах полетных заданий поименно отображены каждое село, аул и кишлак.

СТЕПАНЧЕНКО

— С чего начинается самолет? Ну, это совсем просто. Берешь сто тысяч деталей, двадцать километров электропроводки...

Улыбнулся.

Потому что сказать: самолет — сто тысяч деталей, все равно что сказать о картине Питера Брейгеля-старшего, что это квадратный метр полотна и кило краски.

Степанченко Василий Алексеевич — генеральный директор Киевского авиационного производственного объединения имени 50-летия Октября, в состав которого входит и Киевский авиазавод. Киевский авиазавод серийно выпускает машины, сконструированные в КБ Антонова, и работает с ним, можно сказать, в одном рабочем режиме.

Как же мыслится крупный организатор самолетного производства?

Крупный организатор самолетного производства мыслится не менее чем во втором полутяжелом весе и с голосом командующего парадом.

Но Степанченко в личном человеческом плане даже, пожалуй, немного застенчив. Мне рассказывал начальник заводского конструкторского бюро Горовой, что он работает с генеральным директором более четверти века и ни разу не слышал, чтобы тот кому-нибудь учинил служебный разнос и вообще выходил на начальственные регистры. Так ни разу и не слышал.

Тем не менее самолеты сходят со стапелей один за одним, и по крайней мере за три пятилетки еще не было случая, чтобы завод вышел из графика.

Я пришел сюда не только в конце месяца, но и в конце года, но никто здесь производственно не конфликтовал в клубах табачного дыма такой плотности, что подъемная сила крыла имела бы в нем совсем другие характеристики. Потому что Киевский авиационный завод работает как часы. Он работает, как само время, которое никогда не спешит и не отстает.

— Как вы руководите объединением? — спрашиваю у Степанченко.

— Ну, это совсем просто — беру и руковожу.

На столе у генерального директора почти нет бумажек. Потому что если бы он стал записывать на бумажки каждую из ста тысяч деталей, ему бы не хватило не только письменного стола, но и гектарности большого аэродрома.

Нет, самолет на строгачах не сделаешь. Здесь нужны принципиально другие методы руководства. Завод — это не приказы по заводу. Завод — это коллектив, который нужно уметь вести за собой.

Степанченко умеет.

Генеральный директор что-то совсем тихо говорит по селектору, но его слышат даже в цехах, где детали штампуются взрывом. Где на падающих молотах делают поверхности двойной кривизны. И даже там, где работает пресс, развивающий усилие в шестьдесят тысяч тонн.

МАНУКЯН

Все с тем же вопросом иду к Манукяну. В отдел клепально-сборочных работ.

С Манукяна хорошо писать профили горцев. В глазах — сплошной грозовой фронт, через щеку — шрам, и вообще при нем хочется не столько спрашивать, сколько отвечать, причем держа руки по швам.

Но уже через минуту я знаю о самолетах все. Мне кажется, что я уже знаю о них больше, чем сам инженер Манукян Вениамин Межлумович, потому что он не просто делится с тобой. Он отдает тебе больше, чем у него есть.

Манукян извергает информацию, как вулкан. И ты начинаешь понимать, что вся его круто проперченная свирепость — от уходящей за горизонт широты натуры, которую он в сугубо производственных рамках старается хоть чем-то прикрыть.

— Прав ли Антонов? — переспрашивает Манукян, причем глаза его сверкают, как проблесковые маяки ночного полета. И я понимаю, что сейчас мне будет прочитан курс философии творчества.

— Конечно, прав. Нет, даже он не может сказать, с чего начинается самолет. Как ты работаешь? Думаешь, пишешь и отбрасываешь написанное. Потом заходишь с другой головы и снова отбрасываешь. Где начало? В творчестве виден только итог.

Сам Манукян проектирует стапели сборки. Через минуту я уже знаю о стапелях все. Можно ли без них собрать самолет? И он вскипает от одной только мысли, что кто-нибудь может подобное допустить.

— Отличный инженер и нормальный парень,— говорит о Манукяне руководитель бюро по оснащению сборки фюзеляжей Пенечко.— Недостатки? Недостатков не имеется.

Любят в отделе Манукяна и поэтому самую малость идеализируют. Что же касается недостатков, то их нет, пожалуй, только у самолета.

ШАВЕРДАШВИЛИ

Зовут:

— Юрко!

Что в переводе с украинского означает: слесарь-инструментальщик 5-го разряда Юза Арчилович Шавердашвили.

Конечно, жду, что сейчас мои познания в области самолетостроения удвоятся. Что я буду знать по данному предмету больше, чем Манукян и Шавердашвили, вместе взятые. И что от всего сердца мне сейчас будет презентован аэроплан.

— Хотите, я подарю вам часть самолета? — говорит он, и я лихорадочно думаю: вот оно, началось!

Но Шавердашвили долго роется в кармане и наконец достает едва заметную гайку. Не гайка — дырка от гайки.

— Скажете — мелочь? Но без нее самолет не взлетит.

Держу на ладони одну стотысячную часть самолета.

Нет, Шавердашвили в схему явно не вписывается. Прежде всего у него нет престижной черноты усов. И, бросая в прорезь телефона-автомата две копейки, Шавердашвили не роняет в силу многолетней привычки:

— Сдачи не надо!

Он не только молчаливый, но и очень замріяный, что в переводе с украинского означает — мечтательный. Может, все это оттого, что слишком долго живет на Украине. Я уверен, что любой украинец, который поселился бы в Кахетии, прежде всего выучил бы по-грузински: «Сдачи не надо!»

Но мечтательность Шавердашвили еще и оттого, что он изобретатель. На его личной карточке в БРИЗе я насчитал не менее десятка различных рацпредложений, направленных на коренное усовершенствование производства.

Шавердашвили — как Антонов: что ни увидит, стремится тут же переделать. Если увиденное, конечно, имеет конструктивные недостатки.

ПРАНЦКЯВИЧУС

Прикиньте в уме размах крыльев современной машины—и сможете себе представить цеховые ворота. Едва слышно гудит электромотор, раздвигающий гулливеровы створки, и вот уже оранжевый тягач вытаскивает под открытое небо новенький, с иголочки, самолет. Дневное светило зажигает на его плоскостях бортовые огни, и кажется, что он летит даже тогда, когда неподвижно стоит на земле. Что объясняется стремительностью линий, рассчитанных по законам аэродинамики. Может, это

уже, наконец, начался самолет?

Нет, для Пранцкявичуса Витаутаса Стасисовича это пока сто тысяч деталей. Потому что машина еще не облетана в воздухе. Пранцкявичус — заводской пилот, заслуженный летчик-испытатель СССР.

Когда на летно-испытательной станции получают новую машину, к ней прежде всего зверски придираются на земле. Запускаются двигатели, гоняются на гидроподъемниках шасси, отрабатываются рули.

Никогда не думал, что формализм хоть в чем-нибудь может быть перспективным. Но пока не будет подписана тысяча бумаг, в которых будет отображено не только то, что каждая гайка на месте, но и что завинчена она до упора, машина не сдвинется с места. Потому что она — самолет.

Но в конце концов Пранцкявичусу дается «добро» на преодоление земного притяжения.

Как мыслится северянин, который к тому же испытывает самолеты? Он мыслится как айсберг, где на поверхности одно ледяное спокойствие.

Когда Пранцкявичус за штурвалом, то данный фактор действительно имеет место. Но стоит ему коснуться земли, и мы имеем сплошную коммуникабельность. Может, потому, что он долго прожил среди киевлян.

О чем же думает Пранцкявичус, когда отрывает от земли испытуемый самолет? Он думает прежде всего о плане реализации. Пока машина не будет сдана Аэрофлоту, на счет завода не поступят деньги.

— Отличный летчик и нормальный парень,— говорит о нем заместитель начальника летно-испытательной станции Нагорный, и на языке испытателей, видно, более высокой оценки нет.

АКМАЛДИНОВ и другие

— Федя! — зовет заместитель начальника летно-испытательной станции Нагорный.

«Федя» в переводе на татарский означает Фулур Мирзанурович Акмалдинов. Он механик, то есть самолетный доктор. Когда самолеты возвращаются из испытательного полета, они подлежат всестороннему обследованию.

Фулура здесь Федей называют все. И от этого ему вполне нормально. Более того — совсем коммуникабельно. Вот и я, к примеру, пребывая в Нагорном Карабахе, наиболее охотно откликался на имя Левон.

Итак, как самочувствие, ваше высочество? Потому что для Акмалдинова самолет даже после испытательного полета — это еще не самолет. Здесь следует устранить малейшие дефекты, вплоть до отдельных царапин на фюзеляже, которые в соответствии с составленным актом «надлежит тщательно закрасить». Только после этого самолет моют детским мылом. На одну машину — тридцать кусков! Детское мыло, как бесщелочное, положено по технологии. Но все равно трогательно. И вот пахнущий детским мылом самолет сдают Аэрофлоту.

— Самолет,— самая принципиальная машина,— говорит Акмалдинов.

Сама принципиальность и сам Акмалдинов. Когда он подписывает технологические паспорта, его нельзя уговорить, упросить, умолить, а тем более обвинить. Дескать, не будь формалистом, Федя, подумаешь, какая-то там царапина на фюзеляже! Нет, к Феде ни с какой другой головы не подойдешь, кроме как с самой принципиальной.

Кто же свел их всех на заводе? Кто подобрал этот полный набор характеров? К одному не подойдешь без огнетушителя и на земле. У другого можно учиться спокойствию в воздухе.

Кто подобрал эту радугу глаз, имен и обычаев? Да никто не подбирал. Но уж как-то само получилось, что интернациональные машины делают люди, разговаривающие не менее чем на пятнадцати языках. Не считая, конечно, общего — русского. И даже когда в воздух уходит экипаж заводских испытателей, состоящий всего из семи человек, может както само собой получиться, что здесь представлено чуть ли не полстраны — по одному от республики.

Но все это выясняется только тогда, когда работают аналитики из мандатных комиссий. Которые прикинули с помощью ЭВМ, что три четверти заводчан — украинцы. Что каждый пятый — из России, что каждый десятый — из Белоруссии, Грузии, Литвы и т. д. Что же касается их самих, то они совершенно не задумываются о том, кто откуда.

Я искал на заводе Наязина, чтобы вставить его в материал для восточного колорита, но он оказался русским. Что же касается Бадаева, которого все считали русским, то он оказался азербайджанцем. Я так и не смог опросным путем найти трех удмуртов, пока не выручили кадровики. Что же касается украинцев и русских, то здесь и подавно не разберешь, кто из них кто, если, конечно, не обращаться к личным листкам по учету кадров.

Киевский авиационный завод — одна большая семья. Как бы «страна в разрезе».

Со дня изобретения самолета русские и украинские авиаторы строятся и летают вместе. От «петли» Нестерова в киевском небе, сделанной, можно сказать, ни на чем, до современных машин, представляющих собой немыслимой сложности комплекс. Как бы летающую выставку новейших научно-технических достижений, где имеются «стенды» от каждой союзной республики. Как результат кооперирования производства.

И на этом одном примере можно судить об общности пути, подготовленной исторически. Когда Украина еще три с четвертью века назад навечно связала свою судьбу с Россией, а значит, и со всеми другими народами, сплотившимися вокруг нее.

Теперь я уже наверняка знаю, с чего начинается самолет. Он начинается с конструкторского воображения Антонова, организаторского таланта Степанченко, горячности Манукяна, мечтательности Шавердашвили, спокойствия Пранцкявичуса, человеческой прочности Акмалдинова. Самолет начинается с дружбы. Самолет — сама дружба, так как он является средством общения. Фантастикой на грани техники. Ведь помните? Вы можете прилететь в Москву даже раньше, чем вылетели из Бухты Провидения.

г. Киев.

«...если спрос на обувь еще не удовлетворяется, то дело не в количестве, а в том, что не хватает высококачественной, модной обуви».
(Из материалов XXV съезда КПСС).

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

ВИЛЫ В БОК!

Неожиданная песня

35-й поезд вышел из Москвы в Цхалтубо. В вагоне № 2 один из туалетов был заперт. На вопросы пассажиров по поводу этого огорчительного события проводники реагировали болезненно, чтобы не сказать грубо: сломан, мол, и отстаньте!

Но вдруг по вагону разнеслось бодрое и совершенно неуместное «Кукареку!». Пассажиры удивились, а проводники занервничали. Это их тайный багаж подал голос: песни неслись из «неисправного» туалета.

Как вы понимаете, вопрос тайной транспортировки птичек был тщательно продуман, однако те взяли да и подло подвели — распелись! Глупое куриное племя, что и говорить...

К. АНДРАЦКИЙ

Пограничный конфликт

Берег в Мисхоре строго распределен между здравницами. А на долю «дикарей» остается небольшой общедоступный кусок под чарующим именем «Русалка». Тут не то что яблоку, черешне упасть некуда.

Вместо того чтобы посочувствовать обездоленным, руководство пансионата «Мисхор» решило расширить свой пляж за счет «Русалки». И вот возведенный из железа забор загнал бедных «дикарей» на столь маленькую площадку, что принимать солнечные ванны можно только стоя.

Тогда неорганизованные курортники с отчаяния стали перемахивать через ограду и располагаться на комфортабельно полупустом пляже захватчиков. Но плохо знали они директора пансионата В. И. Мешкова.

— Перелезают! — возмутился он.— Поднять забор до недосягаемой высоты!

И подняли. Но плохо знал директор смельчаков. Они стали проникать на заветный песочек, протискиваясь сквозь прутья забора. Но плохо они знали Мешкова.

— Протискиваются! — взъярился он.— Красить забор масляной краской разных колеров! Несколько раз в день!

Стали красить. В серую, красную и другие расцветки. Но плохо знал директор упорную натуру противника, особенно той невинной возрастной категории, которой никакие преграды нипочем. И вот уже на пансионатском пляже появились малопетние пятнистые Тарзанчики.

И теперь тов. Мешков мыслит, как же быть с забором.

А что он придумает, покажет грядущий курортный сезон.

Н. СЕРЕБРЕННИКОВА

«Четверть века проработала моя мама Ольга Федоровна Боламожнова в совхозе «Луганский» Красноармейского р-на Саратовской области дояркой, а последние пять лет ветсанитаром. Руководство совхоза обещало со всеми почестями проводить ее на заслуженный отдых: и торжественное собрание и подарок,—но, когда она уходила на пенсию, никто даже не приехал на ферму, чтобы сказать хотя бы два слова».

(Из письма Л. А. Боламожновой)

ГРАВИРОВКА ВНУТРИ

Знаете, о чем неожиданно напомнило мне это письмо? Об аккуратных трафаретах в послевоенных трамваях: «Первые шесть мест — для инвалидов, престарелых и беременных женщин». Глядел я на них, глядел, и вертелся в моей голове каверзный вопрос: а вдруг их окажется семь — инвалидов, престарелых и беременных женщин? Что тогда?

Между прочим, выштампованы те трафареты были на металле. Стало быть, не однодневка — на века. Стало быть, не рекомендация — закон, причем писаный. (А надо ли?)

Но вернемся к письму. Среди множества действительно писаных законов почетное место занимают те, что гарантируют советскому человеку право на пенсию. Это означает, что независимо от настроения или занятости дирекции совхоза, рабочкома и парткома Ольге Федоровне Боламожновой была обеспечена пенсия. И она получила ее. Однако нет закона, который предписывал бы сказать публично:

— Спасибо вам, Ольга Федоровна, за честный труд. Живите долго! Будьте здоровы и счастливы! — и преподнести при этом букетик гвоздик.

Такого закона нет. И упаси бог писать его — на бумаге ли, на металле. Ибо те же слова, произнесенные во исполнение предписания, враз утратят всю свою магическую силу. Не перехватит дыхания от них. Не увлажнятся глаза. И не будет, что ни день, меняться вода у заветных гвоздик, продлевая их жизнь.

А где же, спросите вы, место такому закону? Внутри. Наша душа, которая вроде бы и не является материальной субстанцией, обладает емкостью поразительной. Многое, что пространно и грозно выбито снаружи, вместилось бы сюда, причем филигранность гравировки не отразилась бы на ее действенности.

Государство неукоснительно обеспечивает человеку его права. Посмотрите: в любом магазине висит табличка: инвалиды войны обслуживаются вне очереди. Каждый знает, что пенсия ему гарантирована. Даже для трамвайных вагонов штампуют трафаретики «Первые шесть мест...» и т. д. Все это прекрасно, но, послушайте, государство, как ни могуче и как ни гуманно оно, не может все. Оно не в состоянии, например, улыбнуться и сказать: «Садитесь, пожалуйста»,— причем не обязательно на первые шесть мест. Не под силу ему посмотреть на однорукого инвалида, берущего вне очереди дефицитную книгу, с уважением и благодарностью присовокупив: «Позвольте, я помогу вам положить в портфель». Оно не может произнести во всеуслышание:

— Дорогая Ольга Федоровна! Спасибо вам за долгий и честный труд. Будьте счастливы! Будьте здоровы! Живите долго!

Государство этого не может. Но это можете вы, Василий Иванович Овчаренко, директор совхоза «Луганский», в котором Ольга Федоровна проработала тридцать лет. Видите, как, оказывается, уникальны и ответственны ваши возможности. Не предписания, не узаконенные обязанности, за невыполнение которых лишают прогрессивок, а возможности. Была б только соответствующая гравировка внутри.

Фельетонист

Рисунок Г. КАРАВАЕВОЙ

НЕТ СЛОВ...

● ПАРАД ПАРОДИСТОВ ● ПАРАД

Александр ИВАНОВ

Бес соблазна

Посмотрите, как красиво эта женщина идет!
Как косынка эта синяя этой женщине идет!
Посмотрите, как прекрасно с нею рядом я иду,
Как и бережно и страстно под руку ее веду!

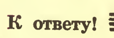
Евгений ХРАМОВ.

Посмотрите! Не напрасно вы оглянетесь, друзья!
Эта женщина прекрасна, но еще прекрасней я!
Эта женщина со мною! Это я ее веду!
И с улыбкой неземною это с нею я иду!
Посмотрите, как сияют чудных глаз ее зрачки!
Посмотрите, как сверкают на моем носу очки!
Как зеленое в полоску этой женщине идет!
Как держу я папиросу, от которой дым идет!
Я не зря рожден поэтом, я уже едва дышу,
Я об этом, я об этом непременно напишу!
Я веду ее под ручку из музея в ресторан,
Авторучка, авторучка мне буквально жжет карман!
Я иду и сочиняю, строчки прыгают, звеня,
Как прекрасно оттеняю я ее, она — меня!
Мы — само очарованье! И поэзия сама —
Способ самолюбованья, плод игривого ума...

Владилен ПРУДОВСКИЙ

К ответу!

Это кто же тебя
Вдруг назвал Афродитой,
Удалую мою,
Золотую мою?..

Валентин СОРОКИН.

Ну и нравы пошли!
Заявляю открыто,
Что сдержать возмущенье
Никак не могу:
Мою милку назвали
При всех Афродитой,
А общественность наша
На то — ни гугу.

г. Запорожье.

Мих. ВЛАДИМОВ

Имена года

А эту зиму звали Анной.
Давид САМОЙЛОВ.

Есть календарь григорианский.
И юлианский знали встарь.
А у меня — самойлианский,
Свой в обиходе календарь.
Мой календарь удобен очень:
В нем—не весна, зима и осень,
Не лето — года времена,—
А милых женщин имена.
Еще в десятом, помню, классе
Весна носила имя — Ася...
Вторую половину лета
На третьем курсе звали—Света...
Потом всю осень звали Анной,
Потом три лета — Марианной,
Потом пятнадцать зим—Марусей...
Теперь пошли иные дни...
Теперь весну зовут Нафтусей,
А лето с осенью — Арзни!

ПАРАД ПАРОДИСТОВ ● ПАРАД ПАРОДИСТОВ ● ПАРАД ПАРОДИСТОВ ●

СОАВТОР

В августе 1978 года журнал «Хунци» опубликовал статью министра обороны КНР Сюй Сянцяня «Повышать бдительность, готовиться к войне». Ах, какое удовольствие получил престарелый Сюй, когда его статья увидела свет! Тот день для него был вторым днем рождения. Он даже позволил себе, несмотря на строгий запрет врачей, выпить рюмку мастая.

Вечером звонили друзья, поздравляли.

— В богатстве фантазии тебе, старина, не откажешь,— сказал по телефону коллега по службе Ван Пин. — В нашей прессе СССР всегда называют «врагом Китая номер один», а ты назвал «самым главным врагом Китая». Просто изумительно! А твой глубокомысленный постулат «война — это также продолжение мира»! Да, ты философ, мыслитель! Вот только одна строчка в твоей статье вызвала у меня сомнение. Если вспыхнет война, пишешь ты, мы окажемся в выгодном положении. Это как прикажешь понимать?

— Вспомни, дружище Ван, мудрую обезьяну, которая сидела на горе и с удовольствием наблюдала, как внизу, у подножия, в смертельной схватке сцепились два тигра.

— Помню, помню эту аллегорическую сказку. Ее очень любил покойный председатель. Только в лапах у тех тигров не было ядерного оружия. А сейчас его на нашей грешной земле больше чем достаточно. Ты уверен, Сюй, что ядерный пожар нас не заденет?

— Брось задавать глупые вопросы, Ван Пин. Не порти моего праздничного настроения.

С этими словами Сюй раздраженно бросил трубку.

С того памятного вечера прошло несколько месяцев. И вот снова звонок.

— Маршал Сюй,— прозвучал в трубке густой бас.— В адрес русских придумайте еще чего-нибудь похлестче, чем в прошлый раз. По возможности не повторяйтесь.

Вот тут-то и начались мучения у министра обороны. «Где взять это «похлестче»? О том, что «русские заняты гонкой вооружений», — писал. О том, что они «хотят закабалить Китай»,— говорил по радио. Сколотить против них единый фронт — призывал. Ну что же еще выдумать? Что он, Рей Бредберн, что ли?»

Внезапный приход секретарши прервал мучительные раздумья министра.

— Маршал Сюй, вам звонят из Брюсселя, из штаб-квартиры НАТО. На проводе генерал Хейг.

— Какая удача! —воскликнул Сюй и молодо, проворно схватил трубку. — Алло! Алло! Здравствуйте, уважаемый генерал Хейг. Рад слышать ваш голос. Какие новости?

— Самые приятные для вас, господин Сюй Сянцянь. Координационный комитет НАТО все больше склоняется к тому, чтобы разрешить Великобритании продать вам очередную партию самолетов «Харриер». Вот и используйте восемьдесят этих штучек против русских.

— Превосходная новость, генерал Хейг. Кстати, я сейчас пишу очередную антисоветскую статью. Не подбросите ли какую-нибудь свеженькую идейку?

— С превеликим удовольствием, многоуважаемый Сюй Сянцянь. Напишите, что сто русских дивизий вот-вот обрушат свою ядерную мощь на Китай.

— К сожалению, мистер Хейг, это мы уже писали.

— Напишите, что сорок процентов своего бюджета русские тратят на гонку вооружений.

— Тоже писали.

— Тогда заявите, что русские готовят против Китая химическое и бактериологическое оружие.

— Прекрасная мысль, генерал Хейг! К химическому и бактериологическому оружию я еще добавлю, что двадцать тысяч советских танков «Т-62» вот-вот ринутся через китайскую границу.

— Ради бога, осторожнее с танками, господин Сюй Сянцянь! Не уподобьтесь Джеймсу Форрестолу, нашему бывшему министру обороны. Бедняга до того застращал себя «русской угрозой», что ему примерещились советские танки на вашингтонских мостовых, и несчастный Джеймс выбросился с седьмого этажа. Главное в нашем деле: не вполне верить собственным словам, предназначенным для толпы. Желаю здоровья, коллега!

Повесив трубку, Сюй вытер пот со лба, подошел к окну кабинета, распахнул его и с опаской посмотрел вниз, на далекий тротуар...

Дежурный комментатор
Г. ЛИННИК.

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

крокодил помог

«ПРОДАВЕЦ СЧАСТЬЯ» (№ 32, 1978 г.)

Оказывается, чтобы попасть в ресторан «Липецк», необходимо купить у швейцара лотерейные билеты. С таким оригинальным новшеством познакомили жителей города Липецка местные гостеприимные рестораторы.

Как сообщил редакции заместитель председателя исполкома Липецкого горсовета тов. В. Бахарев, заметка обсуждалась на общих собраниях работников треста. Швейцар ресторана «Липецк» уволен.

«ПОМНИТЬ» (№ 3, 1978 г.)

В передовой нашего журнала под таким названием говорилось о ряде случаев бездушного отношения к инвалидам Великой Отечественной войны. Среди них упоминался и А. Ф. Носачев.

Председатель Балтийского горисполкома тов. А. Гурьев сообщил редакции, что тов. А. Носачеву предоставлена однокомнатная квартира.

ИСКАТЕЛИ СОКР

Вл. МИТИН, специальный корреспондент Крокодила

отчет № 7
ТЕКУЧЕЕ ЗОЛОТО

КОВАРНЫЕ ЩЕЛИ

Итак, сокровище найдено... Оттачивая конец фразы, я долго не мог выбрать достойный знак препинания. Восклицательный выглядел не совсем скромно. Простая точка не выражала всего накала эмоций. А вопросов возникало столько, что я ограничился многоточием.

Я стоял у сокровища один, почтительно сняв кепи и даже не обращая внимания на дождик, стучавший по моей лысине, как по асфальту. В этом было что-то шопеновское, прощальное.

Сокровище не хранилось в сундуке за семью замками. Оно не было скрыто сейфом с электронной системой «антивор». Его бросили с грандсеньорской беззаботностью прямо наземь, и сверкающие золотые струи растекались по грязи, лужам и мусору.

Как любое грандиозное открытие, оно оказалось полной и отчасти драматической неожиданностью. Не только для меня. Когда сокровище появилось на току колхоза «Искра» Марьяновского района, Омской области, главный агроном тов. В. М. Чистяков истово воскликнул:

— Батюшки! Золото!..

А заведующая током тов. Н. В. Серова, соответственно всплеснув руками, вскрикнула:

— Матушки! Вот золотище-то!..

И вообще-то было от чего кликнуть «батюшек», «матушек», а заодно, возможно, и «дядюшек». Ибо золото пришлось на колхозном току как нельзя более некстати! Судите сами: ну кому в колхозе «Искра» было знать прошлой зимой, что осенью свалится на колхозный ток сокровище? Видать, абсолютно некому. Иначе место приготовили бы. Ну хотя бы той же весной или даже летом.

И теперь оно — соль и корень всей жизни нашей — валялось неприбранное, бездомное и беспризорное. Двери складов были порушены, стены сплошь в щелях, а крыши настолько прохудились, что напоминали костяк доисторического мамонта.

Плюс ко всему вокруг не было ни одной живой колхозной души, и бесстыдно свободный доступ к открывшемуся богатству как бы вводил во искушение. Подходи, мол, и бери голыми руками.

Я крикнул трагически «Ау!», и в ответ мне послышалось громкое, но нестройное пение. Я вздрогнул. То мощная рать искровских колхозников полным составом гуляла на импровизированном «Празднике урожая». Причины к тому были: урожай действительно удался неплох. «Но что же будет в остаче?» — бухгалтерски подумал я. И в унисон моим траурным мыслям кладбищенски каркнул ворон, пережидавший непогоду на соседней осине. Я погрозил кулаком, но жирное пернатое бесстрашно взглянуло на меня с высоты своей недосягаемости.

Согласитесь: положение мое было аховым. После стольких треволнений и поисков наткнуться на сокровище, осязать его физически и видеть, как оно гибнет! Да, да... Надев кепку, я наклонился и запустил пятерню в золотой бунт. Руку тотчас пришлось отдернуть. Зерно уже горело.

И на помощь некого было скликать. Ни «тетенек», ни «дяденек». Руководству «Искры», страстно увлеченному проведением игрищ в местной столовой, было не до меня. А мои компаньоны по поисковой группе — Квант, Семужный, Ыйна и Варсонофьич — разъехались по другим районам Омской области. Той самой, где сокровище — мощный урожай минувшего года — поступило или продолжало поступать на зернотоки, элеваторы и хлебоприемные пункты.

Я поглубже натянул кепочку на лысину и рысцой пустился к последнему автобусу, держа курс на Омск, где в гостинице «Маяк» было обусловлено наше рандеву.

Первым в холл энергически ворвался профессор Семужный. Вид его был несколько абстрактен: губы страдальчески тряслись, глаза дико перебегали с одного гостиничного фикуса на другой. Он мычал.

— Что с вами, профессор? — участливо спросил ваш покорный слуга, пристроившийся в креслице.

— Вва, вва... Бба, бба...— наконец выдавил из себя Семужный.— Я просто не могу артикулировать! Представьте себе, мой юный друг, я нашел его. То есть я хочу сказать — мы нашли! Наконец-то мы вышли на доминанту этих изысканий.

— Тоже мне!..— неожиданно и жутко закряхтел один из фикусов, стоявший у окна холла.— Открыл, как говорится, Америку!..

Мы подскочили. Ну, конечно же, это был дедок, сушивший свои невыразимые валенки на батарее центрального отопления. За то время, что мы стояли в «Маяке», общительный и велеречивый друг наш стал любимцем народа, и симпатичная администрация отеля сквозь пальцы взирала на его эскапады.

В одних, пардон, рыжих портянках он величественно приблизился к нам и не без сарказму вопросил:

— Это ты, што ль, курья душа, открыл? Ты, профессор? Сказывай! Где?

— Ну, как вам продемонстрировать,— остывая, приобрел способность четкой артикуляции Семужный.— Ну, на Михайловском токе.

— То́ке, тс́ке,— сатирически передразнил дед.— Район какой?

— Хм,— замялся профессор.— В самом деле, какой же ареал? Вот только что сокровище было у нас в руках, и оно вновь пропало. Этот ток кошмарен, там не действуют все механизмы!

— Пропало-то оно, может, и не пропало пока,— сентенциозно изрек Варсонофьич,— да только правда — беда. А попал я, братцы, в Таврический район...

По словам деда выходило, что наткнулся он на сокровище благодаря «агромадиейшему» транспаранту, висевшему в райцентре. Транспарант очень наглядно трактовал об ожидаемом победном количестве «сыпучего золота»: сто пять тысяч тонн, на четыре тысячи выше плана.

Но вот тут-то и начались неожиданности. Сметливым хлеборобским зрением дедок тут же установил, что на зернотоках Таврического района скопилось куда больше драгоценного зерна, чем ожидалось,— сто сорок тысяч тонн! Но там они и застряли. В самом деле: знало ли зимой руководство района, что ни одна из круглосуточно действующих поточных линий по подработке зерна не обеспечит расчетную производительность? Догадывались ли, что «колес» не хватит? Ведали ли, что, скажем, в Гончаровском совхозе нет кабеля для зернопогрузчиков, нет сушилки на току, и зерно в непогоду придется увозить сырым?..

— Хотел я у их полюбопытствовать,— гундосил дед на весь холл,— где они зиму проспали — на полатях или на печи, да прошел на Андреевский ток, в Любомировский совхоз...

— Ну и что? — затаив дыхание, спросили мы.

— А то, — покрутил головою Варсонофьич, — что никуда это не годится. Зерно течет во все щели...

— Может быть, все-таки течет? — не без мстительности поправил Семужный.

— Возможно, и так,— охотно согласился дед,— только течет оно между пальцев...

Он не успел договорить: в холл вбежали Квант и Ыйна. Они буквально вулканизировали от возмущения:

— Это все он! — кричала Сауна.

— Это все она! — вопил Квант.

— Брек, брек! — захлопал ладошками дед.

Пораженные интеллигентным термином, вырвавшимся из дедовских уст, все успокоились и перешли в ресторан.

ТАИНСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Зал ресторана клокотал. Разбившись парами, население отплясывало под рев рок-ансамбля, как накануне Страшного суда. Мрачный безоконный фургон спецмедслужбы регулярно отъезжал от ресторана и возвращался вновь. Швейцар дядя Федя геройски сражался с натиском аутсайдеров, рвавшихся испить свою чашу непосредственно в ресторанном чреве...

В наши котлеты по-омски чуть не свалилась пара, ковылявшая в обнимку от танцплощадки к своему столику, издали напоминавшему кегельбан.

— Резко гуляют! — реагировал Варсонофьич.— Закусывать хорошо надоть, тогда и геройствовать способней...

Тут за нашим столом вспыхнул на редкость суровый и бескомпромиссный разговор. Во-первых, помирившиеся Квант и Ыйна рассказали, как они нежданно-негаданно столкнулись нос к носу в колхозе имени Ленина Тарского района. Там летом сего года ПМК-21 «Омскцелинстроя» с превеликой помпой обязалась заасфальтировать пять тысяч квадратных метров для зернотока.

— Тоже, поди, кричали,— повествовал Квант,— что геройски доставили к будущей площадке целые горы гравия... И что же? Бросили и исчезли. И теперь хлеборобы колхоза, собравшие аж по двадцать пять центнеров на круг, вынуждены впрямь не без героизма биться с «Омскцелинстроем»! Богатейший урожай некуда девать, уже пропали сотни тонн первоклассного зерна...

— Я хотель поехать в «Омскцелинстрой»,— перебила Ыйна Сауна.— Я хотель говорить тет-а-тет, в четире глаза с его представитель, товарищ Павлюченко В. Н. Но он сбежал... Герой!

Квант индифферентно выпил минеральной.

— Предлагаю резюмировать,— произнес профессор, с ужасом прислушивавшийся к модному шлягеру «Остановите музыку, асс-танавити музыку!»

И тогда поисковая группа решила в дальнейшем с большей осмотрительностью и даже требовательностью подходить к употреблению различных высоких дефиниций. Скажем так: не бросаться такими словами, как «безудержное геройство», «кипучая самоотверженность», «битва за то-то и то-то» и прочими... Ну не проще ли было бы, к примеру, в том же сельском хозяйстве еще зимой, загодя, в спокойненькой обста-

Продолжение. См. «Крокодил» №№ 33—36, 1978 г., № 2, 1979 г.

Документально-приключенческая повесть с картинками

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

ОВИШ

новке, без скрежета зубовного и гулкого бития себя в грудь вспомнить о всех вопросах, возникших в прошлую страду? Так сказать, учесть прорывы, появившиеся во время прошлогодней «битвы за урожай»? И решить все заблаговременно, словом, подготовиться. А? Вот было бы дело!..

Здесь, несколько робея, взял слово и ваш покорный слуга. Превозмогая сатанинский гул джаза, он произнес:

— Предлагаю тост за то, чтобы сегодня в последний раз этим вечером произнести слово «геройский». Нет, нет, не поймите неправильно: я не призываю к дегероизации вообще. Отдадим дань сельским труженикам замечательной Омской области. Им и вправду пришлось героически трудиться, чтобы вырастить неплохой урожай зерновых, особенно пшеницы сильных сортов. Но как оно было бы пользительней, если бы трудиться им вышло спокойно, без рывков и нажимов... Пусть же отчет об этой части экспедиции будет дружеским, хотя и последним предупрежде...

Я поперхнулся. Возле нашего стола выросла этажная дежурная.

— Вам телеграмма! — сказала она.

Вкруг нас, заинтригованных до крайности, както сама собой установилась отнюдь не ресторанная тишина. Профессор трясущимися руками взял синеватый бланк и зачитал:

«ИСКАТЕЛЯМ СОКРОВИЩ ТЧК КЛАД НА КОРМИЛОВСКОМ ЭЛЕВАТОРЕ ТЧК СПАСИТЕ ВСКЛ ТЧК ВАШ ДРУГ СВИНЬЯ ТЧК».

Мы были потрясены, как если бы всевышний низверг карающую молнию на крышу ресторана.

— Ничего не понимаю,— побелевшими губами прошептал Квант Михайлов.

— А чего там не понять,— холодно и трезво заявил дедок.— Собирай манатки и — в путь-дорогу. Айда!..

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Михаил КОЛОСОВ

ДЕД на НОВОСЕЛЬЕ

РАССКАЗ

Жуков после долгого ожидания наконец получил ключи от новой квартиры и на радостях пригласил из деревни старика отца. «Пусть приедет,— рассудил он,— посмотрит квартиру, а заодно и перебраться поможет».

А старик приехал да и свалился — простудился в дороге. Теперь лежит на диване, слушает по вечерам перебранку Жукова с женой по разным пустякам, покряхтывает недовольно, но старается не вмешиваться, тем более, что ему порой и трудно понять, из-за чего перепалка: они както с полуслова понимают друг друга и заводятся с пол-оборота.

Домой Жуков приходил поздно, потому что каждый день с работы он ехал на новую квартиру и там что-то делал.

Однажды пришел, доложил жене:

— Замок новый врезал.

— А тот что же?

— Да разве то замок был? Так... Он сработался давно. Вот.— Жуков показал ей старый замок, как вещественное доказательство, и бросил в мусорное ведро.

— Опять пятерка вылетела? — спросила жена.

— Пятерка! Как бы не так... А девять рубликов не хотела? Да за врезку не менее трешки. Но я сам врезал его! Сэкономил! — сказал он горделиво.— Хорошо получилось.

Старик слушал, рассуждал про себя: «Удивительно, что же за замок такой? Новый дом, еще не жили, а замок уже износился. Чудно что-то...»

На другой день Жуков пришел еще позднее, опять доложил жене:

— Циклевщиков нашел...

— Сколько взяли?— спросила жена.

— Да дорого...— отмахнулся Жуков.

— А может, не надо было пока циклевать?

— Ну как же? Ведь пол был так затоптан — не узнать, из чего он. А теперь любо-дорого! Завтра лаком покроют...

Старик закряхтел, не выдержал, спросил:

— Да не пойму я тебя: говоришь, квартиру в новом доме получил?

— Конечно, в новом! Неужели же, думаешь, за выездом? В новом, батя, в новом! — успокоил он отца.

Старик недоверчиво покрутил головой: «Ладно, мол, ври, ври, только для чего это ты делаешь?»

Через день новая новость: обои отстали и упали на пол. Жена заворчала что-то, Жуков стал успокаивать ее:

— Ладно, Кать... Новые купим, по своему вкусу. Сам поклею, век будут держаться!

Но на обоях дело не кончилось. Каждый вечер у Жукова находились дела в новой квартире. То он менял на дверях ручки, потому что на те страшно смотреть было, то делал форточки, то подгонял в окнах фрамуги — не закрывались... А последний раз пришел он домой темнее ночи, жена навстречу:

— Что случилось?

— Да что... Полный ремонт надо делать... Включили отопление, а вентиля на батареях оказались никудышными. В кухне, в ванной потолки и стены промокли — сверху натекло, в комнате паркет горой вздулся...

— Ой, ой,— заойкала жена Жукова.

— Ну, ладно, Кать, не надо... Не надо, Кать,— успокаивал он ее.

— Что «не надо»? Что «не надо»?— вдруг вскипел старик и закричал на сына, рванув с себя одеяло.— Ты что мозги тут крутишь всем? «В новом доме квартира»,— передразнил он Жукова.— Почему правду не сказать? «Так, мол, и так, дали, но в старом доме». Рази я тебе не отец? Вот оклемаюсь — помогу с ремонтом. Лучше новой сделаем! А то хитрит, мудрит, врет. Зачем? Кому? Для чего?

— Да в новом, батя!.. — сказал Жуков.

— Тьфу на тебя, — рассердился окончательно старик и закрылся в ванной, хлопнув громко дверью.

— Чего он?— удивилась жена.

— Не обращай внимания... дед. Он же ничего не понимает: новой квартиры никогда не получал.

— Вот счастливый человек,— вздохнула жена.

А. ВИХРЕВ, специальный корреспондент Крокодила

Нет такого закона, что каждый гражданин обязан любить собак.

А если бы даже и был такой закон, он бы все равно не соблюдался.

К примеру: одна моя знакомая всю жизнь была пламенной собаколюбкой, пока соседская овчарка, к которой она сунулась целоваться, не откусила ей полноса. Была операция и, к счастью, нос уцелел. Однако после этого потерпевшая не только обходит стороной самого безобидного на вид пса, но даже остерегается попадать в зону слышимости собачьего лая.

Другой пример. Алексея Петровича С. в детстве бродячая собака тяпнула так незабываемо, что у него на всю жизнь остался стойкий рефлекс: мимо любой вольноопределяющейся собаки проходить не иначе как с палкой. Мы с вами можем, конечно, осудить Алексея Петровича за злопамятство, однако поймет его по справедливости только тот, кто изведал собачьи клыки на собственной шкуре.

Вот с этим Алексеем Петровичем и приключилась недавно драматическая история местного значения.

Начнем с того, что улица Гоголя в городе Л. состоит из нескольких типовых домов-близнецов, стоящих вразброс в чистом поле. Собственно, и улицы-то самой не просматривается, только стежки-дорожки петляют вокруг домов — меж кустов и палисадников, клумб и газонов.

Уже одним этим обстоятельством можно объяснить пристрастие многих здешних жителей к живой природе — голубям, кошкам, собакам. К собакам прежде всего, потому что тут сказывается еще и властная мода, зачисляющая всякого собаковладельца в некий клан избранных, сравнительное достоинство которых определяется родословными их собак. Мода эта плодит и умножает пестрое собачье поголовье и в тесных кипениях городских центров; ну, а там, где она выходит на загородное приволье, там уж непременно должен расцвесть подлинный собачий ренессанс.

Так оно и есть: наши четвероногие друзья разных мастей шастают здесь вдоль и поперек газонов с довольными физиономиями, пока их хозяева и хозяйки, сидя на лавочках, обговаривают коренные проблемы бытия вообще и быта в особенности.

Впрочем, иные собаки гуляют и без надзора хозяйского глаза: есть такие, что пожаловали сюда за маленькими радостями жизни неизвестно откуда, а встречается и собака общественная, то есть проводящая ночь в каком-нибудь закутке, но зато с восхода солнца и до заката — общая любимица и как бы коллективная собственность всего дома.

Как-то в кущах зеленых насаждений появилось новое лицо — симпатичный белый пес с благородными манерами и печальным взором. Хотя неясно было, сам ли он отрекся от хозяев или они от него, вероятнее все же последнее, потому что пришелец еще несколько дней ходил понурый, чуждался общества и даже воротил нос от лакомых яств, приносимых ему сердобольной домовой общественностью.

— Ах, голубушка, это же чистая мальтийская болонка! — говорила одна дама другой, озаряя окрестности дивной эрудицией.

— Ну, положим, и не чистая и не болонка, — парировала другая дама. — А вовсе это фокстерьер заурядный, да к тому же с примесью...

Между тем пушистый симпатяга песик — к счастью, даже безграничная собачья печаль не вечна! — мало-помалу освоился, обрел бодрость и аппетит. Игрун и непоседа, он стал первой забавой ребятни, и весело было посмотреть, как летел он, белоснежно сверкая на солнце, за удиравшим от него мальчишкой, или самозабвенно кидался вслед брошенной палке, или усердно похрустывал сахарной костью, благодарно косясь глазом на щедрых доброхотов.

Большинством голосов общего баловня нарекли Чапой, и хотя еще недавно он был, наверное, Рексом или Ральфом, однако с новой кличкой свыкся легко и без капризов. Дамы по очереди мыли и расчесывали его, ребятишки таскали ему со стола всякую вкуснятину, спал он обыкновенно в теплом подъезде, — ну что еще, скажите, нужно для полного собачьего счастья?

Но редко кто замечал, как иногда в круговороте беспечных шалостей Чапа останавливался вдруг при виде своего собрата, чинно ведомого на поводке, и, склонив голову набок, смотрел на него долго и грустно.

Так оно, может быть, все по сей день и продолжалось бы, не вмешайся в ход событий матушка природа.

На площадку верхнего — пятого — этажа, где живет Алексей Петрович, выходят двери еще двух квартир, причем его дверь — как раз между ними. А в этих квартирах, как на грех, обитают две очаровательные четвероногие брюнетки.

Если бы Чапа был человеком (даже, пожалуй, следует добавить — человеком трезвым и воспитанным), он бы, конечно, терпеливо дожидался свидания с брюнетками где-нибудь у подъезда. Но ласковый, добрый Чапа при всем этом был и оставался зверем. Поэтому тот же изначальный зов природы, что, например, безжалостно кидает и бьет осетра, идущего на нерест, о непроницаемый бетон плотины, пока он не размозжит себе голову, так же неумолимо снова и снова завлекал Чапу на площадку пятого этажа.

Здесь он располагался на коврике у двери Алексея Петровича, то есть на самом удобном месте — как раз между брюнетками. Чутким ухом он ловил их шорохи, дыхание, шаги, поскуливанье, задремывал и засыпал и, наверное, видел сладкий сон: отворяются сразу обе боковые двери и обе желанные подруги выходят, бесстыдно повиливая хвостиками.

Но всякий раз сон не сбывался: каждое утро первой открывалась дверь Алексея Петровича, на пороге возникал хозяин, вооруженный палкой или сандалетой, и Чапа, уже не раз отведывавший их удары, с негодующим рыком скатывался вниз по лестнице. Когда же вслед за ним спускался и уходил на работу Алексей Петрович, верный инстинкту пес тотчас взбегал снова на свой караульный пост.

Вечером, когда Алексей Петрович возвращался с работы, дело было хуже: отступать Чапе было некуда. Пес ершился, рычал и гавкал, отстаивая свое место на площадке, но она нужна была и человеку — чтобы попасть домой. Кончалось тем, что Чапа, увертываясь от палки, стремглав проскакивал мимо хозяина квартиры и сбегáл вниз.

И в ту субботу, свернувшись на коврике, он нес предписанную уставом природы вахтенную службу, когда внизу на лестнице послышались знакомые шаги. Шаги поднимались. Прямо перед Чапой, на площадке между четвертым и пятым этажами, в распахнутом квадрате окна видна была густая зелень двора, и долетали оттуда знакомые тявканья, детские крики, голоса со скамеек.

— А я вас опять уверяю, голубушка, что это чистая болонка, чистейшая!

— Ну, ладно, пускай будет болонка, раз уж вам так приспичило. А тогда почему вы его себе не возьмете, драгоценность такую?

— Что это вы, право... Да как же я его возьму, если у меня уже есть собачка—пудель Нимфа?

— Нимфа, Нимфа... Вот так из культурного кобеля бродячую собаку и сделали. Ах, милый Чапа, наш милый Чапа!.. А где он сейчас, ваш милый Чапа, вы хоть знаете?

Шаги были все ближе, и Чапа кинулся вниз, на площадку с окном. Но сюда с четвертого этажа поднимался уже и Алексей Петрович с неизменной палкой в руке.

Зверь и человек, не питавшие друг к другу никаких иных чувств, кроме страха и ненависти, — оба остановились, опасливо и выжидательно следя друг за другом.

Зверь, зарычав, обнажил клыки. Человек поднял палку.

Кому-то надо было отступить.

Если верить Алексею Петровичу, отступил Чапа, но неудачно и роковым образом: вспрыгнув на подоконник, он не удержался и соскользнул...

Если верить Галине Павловне А., сидевшей внизу на скамеечке, Чапу сбросил сам Алексей Петрович; она «видела, как в окне мелькнули его руки».

Других свидетельств нет.

— Конечно, — говорит Алексей Петрович, — зная мою нелюбовь к собакам, можно поверить, что я выбросил в окно этого Чапу. Но как бы я его схватил, если я с детства до собаки опасаюсь голой рукой коснуться? Да он бы мне в руки нипочем и не дался и уж в крайности покусал бы непременно, а у меня, смотрите, ни царапинки.

Упал Чапа на асфальт у подъезда. Детвора вся на дворе, и малышня бегает не только по газонам, но и у самого дома.

— Ну, это прямо счастье, что никакого ребятенка тут не оказалось! А как бы упала собака да и пришибла... Это что ж было бы!

— Бедный Чапа...

— Ребята, Чапка убился!

Но все это Чапа слышал как бы издалека и во сне.

Он в самом деле разбился безнадежно, и вы легко можете представить себе чувства всех его почитателей, когда беднягу пришлось усыпить.

Пролились горячие слезы жалости, и полыхнул праведный гнев.

Делегации мужчин, успевших по случаю выходного дня хватануть бодрящих напитков, одна за другой поднимались на пятый этаж и, попинав ногами дверь Алексея Петровича, восклицали:

— Ты за что же, друг, безвинного кобеля угробил, а?

— Если он, братцы, нашу общественную собаку загубил, то, стало быть, и нас не ув-ва-жа...

— Ну, погоди, ты нам тоже подвернешься под горячую руку!

Напрасно выходил Алексей Петрович, бледный и натянутый, как струна, и в который раз пересказывал — «вот тут я стою, а пес вон там стоит...», — ему не было снисхождения.

— Да хотя бы даже собака и сама из окна сиганула — все равно ж от страха, и ты этому страху причина. Стало быть, ты ее до смерти и довел.

И вот уже чья-то гневная детская рука беспрепятственно выводит мелом на двери осажденной квартиры «Убийца!». И на другой день уже изрезана в клочья обшивка двери. И на третий день проползает, змеясь, по дворам и по всей улице ликующий слух:

— Да он не только собак — и жену свою бьет. Судить таких надо!

И разворачиваются события.

Алексей Петрович обращается к милиции: требует урезонить соседей по дому и лестничной площадке. Милиция передает дело в товарищеский суд. Суд вызывает соседей истца и напоминает им правила содержания собак. Суд указывает и Алексею Петровичу на нетактичное, высокомерное отношение к соседям.

Кормильцы покойного Чапы пишут в Московский зоопарк, Уголок имени В. Л. Дурова и «Крокодил» совместный памфлет на Алексея Петровича, где самые мягкие слова — «изверг» и «чудовище». Алексей Петрович пишет объявление об обмене квартиры. Теперь, когда он возвращается с работы, на автобусной остановке его встречает жена. На всякий случай...

Впрочем, мало-помалу конфликт, кажется, притух. Обе стороны — «изверг» и его противники — исподлобья поглядывают друг на друга с затаенными чувствами. А кое-кто и сокрушается искренне:

— Надо, надо было мне взять Чапку себе в дом. Как-никак, порода в нем проглядывалась...

Но уж если Чапе так не повезло, то что ж сказать о совсем беспородных? Вон за моим окном прогавкала стая бродячих собак, совершающих вечерний набег на окрестные помойки. Стая держит в страхе весь двор — по вечерам детей не выпускают гулять, да и взрослые спешат по домам с опаской.

Эти умные звери — бывшие веселые, ласковые Чапы и их отпрыски — уже не друзья человека. Это мы с вами предали их, бросив, прогнав от себя, оставив «на воле». И столетиями привыкавшая к дому и к хозяину собака вынуждена начать обратную эволюцию — она дичает.

Собаке не нужна воля — ей нужен хозяин. Один хозяин. А коллективная любовь к тому или иному «счастливому» псу лицемерна и вероломна. Милый Чапа был коллективно любим и погиб; этого не случилось бы, будь у него один, хотя бы и совсем неласковый хозяин.

Всеведущей статистике не счесть, сколько отверженных Чап подвизается сегодня в городах и селениях. И вокруг каждого бездомного, беспризорного пса завтра может завязаться тугой узел страстей человеческих.

Хотя собака не умеет говорить, она задает нам непростые вопросы.

Московская область.

молодежный

САТИРОБУС

маршрут

№ 28

ГОСТИНИЦА «ИНТУРИСТ» — ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМЕНИ АНТОШИ ЧЕХОНТЕ — ХИМЧИСТКА—КАФЕ «КЛЫКИ ПЕГАСА».

Те, которые...

Когда Кузя увидел Цветанку, он тут же понял, что она ТА, КОТОРАЯ... будет самая добрая, самая милая, самая современная. Та, которая будет готовить обеды и ужины, мыть окна, воспитывать детей, создавать в доме уют... Та, которая будет прощать ему поздние приходы домой и не устраивать по этому поводу скандалы.

Когда Цветанка увидела Кузю, она сразу поняла, что он именно ТОТ, КОТОРЫЙ... будет самый добрый, самый милый, самый современный. Тот, который будет готовить обеды и ужины, мыть окна, воспитывать детей, создавать в доме уют... Тот, который будет прощать ей поздние приходы домой и не устраивать по этому поводу скандалы.

И они протянули друг другу руки. И поженились. И через три дня развелись. И снова отправились на поиски ТЕХ, КОТОРЫЕ...

Сергей ТРАЙКОВ, Болгария.
Перевод Г. КОФМАНА.

— Пропустите же ребенка без очереди, видите, она в школу спешит!

Рисунок И. СЕМЕНОВА

Монологи деловой женщины

Подруги и знакомые с завистью вздыхают, когда я прохожу мимо. Одета и причесана по последней моде, всегда свежий маникюр.

— Как ты все успеваешь? — спрашивают меня.— Семья, маленький ребенок, работа да еще учишься на заочном!

— Ничего удивительного, — отвечаю. — Просто я умею ориентироваться в ситуациях. На каждый случай жизни у меня свой монолог...

МОНОЛОГ В ИНСТИТУТЕ

— Конечно, профессор, я понимаю... За такой ответ нельзя поставить даже «удовлетворительно»... Но... войдите в мое положение! (Платочек у глаз, тяжкий вздох, грусть в лице.) Работа, семья, маленький ребенок!.. (Крупная слезинка.) Спасибо, профессор! К госэкзаменам я непременно все выучу!..

МОНОЛОГ НА РАБОТЕ

— Конечно, Иван Александрович, я понимаю... Все сроки подачи проекта уже пропущены... Но... войдите в мое положение! (Платочек у глаз, тяжкий вздох, грусть в лице.) Институт, семья, маленький ребенок!.. (Крупная слезинка.) Хорошо, Иван Александрович! Через месяц я непременно все кончу!..

МОНОЛОГ В СЕМЬЕ

— Конечно, милый, ты абсолютно прав... Я не успеваю готовить и стирать. Я не убираю в квартире неделями... У меня не остается времени для ребенка... Но... войди же в мое положение! (Платочек, вздох, грусть.) Институт, работа!.. (Слезинка.) Я так и знала, что ты меня поймешь! Милый! Ну сходи погуляй с сыном. И не забудь зайти в булочную! А то я прямо валюсь с ног. Думаешь, легко быть деловой женщиной?!

Ирина ФЕДОРОВСКАЯ,
инженер, 26 лет.
г. Николаев.

Мечтатель

Костя Тимохин сидел на своем обычном месте в последнем ряду и смотрел в окно. За окном было интересно. «Когда все это кончится?» — привычно подумал Костя и уткнулся взглядом в затылок сидящей впереди Иры. Затылок этот он видел уже пять лет, и даже желание дернуть Иру за косичку давно пропало.

Костя перевел взгляд на потолок и задумался о будущем. Оно всегда рисовалось Косте в ярком свете, было так непохоже на теперешнюю Костину жизнь.

«Стать бы продавцом мороженого,— думал он.— Пломбир, крем-брюле — как красиво звучит, и как вкусно! Стоять бы со своим лотком в центре города и тем, у кого нет денег, раздавать мороженое бесплатно — чтобы радовались и вспоминали Костю Тимохина!»

Его взгляд опять наткнулся на скучный Ирин затылок, и захотелось чего-нибудь еще более яркого, интересного.

«А лучше всего быть капитаном дальнего плавания. Такелаж, абордаж — как красиво звучит, а как романтично! Каждый день новый порт, а в карманах полно жвачки».

Костя задвигался, представив себя на капитанском мостике, и задел ногой стоявший рядом портфель. Портфель упал и открылся, показались корешки учебников. Смотреть на них Косте было противно.

«Буду киномехаником! — яростно подумал он.— Каждый день буду новый фильм смотреть, и по десять раз. И ни одного учебника больше никогда не открою!»

В это время громко назвали Костину фамилию. Он встал и пошел к доске.

— Поздравляю вас, Тимохин,— сказал ему пожилой человек в очках, протягивая синюю книжечку.— Вам вручается диплом о высшем образовании. Сегодня сбылась ваша мечта — вы становитесь инженером!

Тимохин вернулся на свое место. Ира обернулась и сообщила:

— Я слышала, у нас с тобой распределение одинаковое. Будем вместе работать!

«Быть бы мне разбойником! — с тоской подумал Костя.— Благородным. Ненормированный рабочий день. Усиленное питание. И уж этой Ирке я бы тогда показал!»

Он наклонился, поднял портфель и аккуратно положил в него синюю книжечку.

г. Москва.

Александр ЮРИКОВ,
журналист, 30 лет.

Рисунок Б. СТАРЧИКОВА

Утюговый демпинг

В любом деле, в том числе и в деле заботы о человеке, главное—красиво отрапортовать. Чтобы вытянуться перед начальством по струнке, лихо прищелкнуть каблуками ботинок и — хрясть!— звонкую цифру. А начальство только рот раскроет от изумления.

— Да неужто,— скажет начальство,— вы, товарищ Красовский, купили для общежитских девушек шестьсот утюгов оптом?

— Так точно!— прищелкнет опять каблуками Н. В. Красовский, зам. управляющего стройтрестом № 9 города Витебска.— Шестьсот! Чтобы на каждую душу было по нескольку утюгов сразу! Поголовное отутюживание! Все ходят исключительно выглаженные! Только так! Мы в деле заботы о человеке жуть какие скоровистые!

И посыплет товарищ Красовский хлесткими цифрами и фактами, словно из рога изобилия. Дескать, уже вовсю развернут ремонт в общежитии № 1, что на улице Герцена, 19/5. И фронт ремонтных работ похож на фронт боевых действий. И сроки все будут перекрыты! Ура! А также имеются там целых три титана горячей воды! Чтобы пили девочки под завязку чаи да кофеи. И на этом стройтрест не остановится!!!

А начальство выйдет тогда из-за стола, с теплотой в глазах, и похлопает товарища Красовского дружески по плечу, и поблагодарит от имени и по поручению. И, возможно, даже представит к ордену. За невероятный размах заботы о человеке. И крикнет тогда товарищ Красовский трижды:

— Рады стараться! Рады стараться! Рады стараться!..

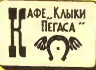
А может, все произойдет по-другому. Может быть, спросит начальство:

— Позвольте, а для чего же такое несметное количество утюгов?

И, усомнившись, возможно, нагрянет в упомянутое уже общежитие № 1 и увидит, что ремонт являет собой обман зрения: пол заляпан алебастром, мебель свалена в кучу, в воздухе убийственный запах нитрокраски — вот вам и весь фронт ремонтных работ. А титанов действительно было три сначала, но потом два из них убрали, потому что якобы девочки никогда не закрывали в них краны и вода заливала нижние этажи. А тот титан, который остался, уж не зальет ничего, поскольку кран в нем вовсе не открывается... И увидит начальство, возможно, и грязь в общежитии, и почувствует холод, и узнает про отсутствие душевых и стационарных электроплит, так что молодые строители готовят себе завтраки и ужины как попало, на купленных ими же бытовых электроплитках-малютках...

Впрочем, наверное, этого не произойдет. Потому что товарищу Красовскому удастся не посеять в начальстве ни капли сомнения. Большой он искусник по части рапортования, товарищ Красовский...

Е. АРГУТИНСКИЙ.
г. Витебск.

Уважаемые пассажиры! Просим любить и жаловать: молодой московский поэт Александр Буравский. Прежде чем потребовать остановки у кафе «Клыки Пегаса», он успел окончить факультет журналистики МГУ и напечатать свои стихи в «Литературной учебе», «Студенческом меридиане» и других центральных изданиях.

Гурзуф

Я — среди лета, лени, летних блажей
соседей на прогретых голышах,
у моря, на гурзуфском платном пляже,
лежу затылком на своих штанах.
Пью лимонад, курю, листаю чтиво,
не постигаю смысла вялых строк.
Потом сажусь смотреть, как сиротливо
Протарахтит по водам катерок...

...В Гурзуфе (вспоминаю) у Раевских,
в те времена — опальный, жил поэт
А. Пушкин... Жаль, но, правда, мне известно,
что Пушкина давно в Гурзуфе нет.
А есть скала. Где, хохоча, шаля,
устроив праздник, фейерверк и пир,
пел гений по фамилии Шаля-
пин...

Вот девочка с этюдником в руках
из Дома творчества карабкается в гору,
и капли пота на ее висках,
и сухо на губах, и вкус их горек!
Кто вызывал ее? Брести с трудом
в жару такую в шапке из газеты,
чтоб на холсте под нужным ей углом
ложилась тень от солнечного света!
Вот девочка на глыбе хлипко встала,
к дощечке холст прикнопила легко.
Сама — несоразмерна пьедесталу.
Над нами всеми — очень высоко!
Так высоко, что ей видна была —
ей, только ей!—взрезая воду дерзко,
несущая Шаляпина скала.
И слышен Пушкин в доме у Раевских.

Александр БУРАВСКИЙ.

ВОКРУГ СВЕТА И ТЬМЫ

Крокодильская международная газета

Бедный дедушка Мигель

Дедушке Мигелю очень хотелось остаться на свободе, что в нынешнем Уругвае никому не гарантировано.

— Подальше, подальше от сегодняшней политики, если вы хотите уцелеть! — твердил дедушка Мигель своим родственникам и друзьям.

Ни в какие беседы на политические темы дедушка не встревал. По субботам он отправлялся в библиотеку и там шелестел газетами прошлого века. От них веяло бумажной пылью и покоем.

И вот однажды дедушка Мигель подошел, как всегда, к библиотечной стойке и попросил комплект газеты за 1887 год.

— Восемьдесят седьмой, вы сказали? — переспросил библиотекарь.

— Да,— улыбаясь всеми морщинами, подтвердил беглец в прошлое.

— Обождите.— И библиотекарь скрылся в недрах книгохранилища.

Через минуту он вернулся с каким-то типом в темных очках.

— Вам придется пройти со мной, — сказал тип, кладя неласковую руку на костлявое плечо старика...

Вот таким образом бедный дедушка Мигель очутился там, куда он изо всех сил стремился не угодить. Ибо не ведал он, что гориллы ЗАПРЕТИЛИ УРУГВАЙСКИМ БИБЛИОТЕКАРЯМ ВЫДАВАТЬ ГАЗЕТЫ, ВЫПУЩЕННЫЕ ПОСЛЕ 1885 ГОДА. Даже в далекой Франции газета «Монд» писала об этом, а дедушка Мигель проворонил такое важное распоряжение уругвайских властей. Вот к чему приводит отчуждение от окружающей действительности...

Но почему именно 1885 год послужил гранью между дозволенным и недозволенным для чтения? Видимо, потому, что в том далеком году взметнулся, как пламя, боевой дух уругвайского народа. Уругвайцы разгромили аргентинских оккупантов, обложивших Монтевидео. Вместе с борцами за свободу Уругвая сражался приехавший из Европы народный герой Италии Джузеппе Гарибальди.

— Тсс! — приказали сегодняшние внутренние оккупанты Уругвая. — Ничто не должно воспламенять дух свободы. Даже старые газеты. Нам еще не хватало своего Гарибальди!..

Фото из журнала «Тайм»

БЕЗ НАДЕЖДЫ НА ПОБЕДУ

Нельзя сказать, что американское правительство палец о палец не ударяет перед хищным ликом наступающей инфляции. Собравшись на чрезвычайное совещание, высшие экономические мудрецы—советники Белого дома — вооружились дубинками, демонстрируя свою боевую готовность сражаться с инфляцией. Но удастся ли?

Даже карикатуристы буржуазных газет не верят в успешный исход этой битвы. Извращенные законы капиталистического хозяйства таковы, что даже робкие попытки заткнуть пасть инфляции автоматически приводят к спаду в экономике, и борец с инфляцией вновь оказывается в плачевной ситуации...

Рисунок из газеты «Филадельфия инкуайер».

Из зала суда

Ни за понюх табаку

СУДЬЯ. Подсудимый Гермиус Лоув, встаньте. Впрочем, сидите. Итак, подсудимый, второго дня вы нанесли своему чернокожему слуге Джону Мквеже удар кулаком, от чего он скончался.

ПОДСУДИМЫЙ. Да, ваша честь. Он имел неосторожность принести мне из лавки не тот сорт табака, который я курю.

СУДЬЯ. Если я вас правильно понял, вы были очень огорчены этим обстоятельством, не так ли?

ПОДСУДИМЫЙ. Не то слово, черт побери! Я был просто взбешен! Ведь это же крайне оскорбительно для любого заядлого курильщика, когда ему предлагают табак, которого он терпеть не может.

СУДЬЯ. Полностью разделяю ваш гнев. Но почему же вы его ударили только один раз! Задали бы ему приличную трепку, чтобы неповадно было в следующий раз глумиться над хозяином.

ПОДСУДИМЫЙ. Я очень сожалею, что упустил такую возможность. Руки у меня так и чесались! Но вы же сами знаете, что во втором ударе уже не было необходимости.

СУДЬЯ. Искренне сочувствую вам. Вы, верно, не рассчитали своих сил.

ПОДСУДИМЫЙ. Именно так. Я не мог предвидеть такого исхода.

СУДЬЯ. Поэтому-то вы и признаетесь виновным и приговариваетесь к штрафу в 115 рандов. Приговор обжалованию не подлежит. Все!

Спешим заверить тех читателей, которые, возможно, сочтут вышеописанное домыслом,— все это правда. Как сообщает газета «Вашингтон пост», этот, с позволения сказать, суд состоялся совсем недавно в Претории, столице ЮАР.

Николай ЭНТЕЛИС

Божьи ратники

Из США в Южную Родезию с благословения ЦРУ отправились 300 наемников. Однако официально объявленная цель их поездки — «ведение миссионерской деятельности».

Триста священников
Едут в Родезию,
Молятся громко —
Такая профессия:
«Боже,
Расистов в беде не
покинь!
Аминь!»

Едут в Родезию
Триста молодчиков,
Едут с молитвою
Триста налетчиков:
Смит заменил им
Богов и богинь...
Аминь!

Триста наемников
Едут в Родезию:
Крест осенит
Злодеянья, репрессии,
Пламя ворвется
В небесную синь...
Аминь!

Едут в Родезию
Триста грабителей,
Но умножается
Армия мстителей:
Пуля настигнет
наемника—
«Дзинь...»
Аминь!

Происшествия

История с историком

Это случилось в Риме 4 ноября прошлого года. Ночной сторож Натале Чикале совершал обычный обход своего участка недалеко от улицы Монте Каприно. Неожиданно из кустов выскочили трое мужчин и принялись зверски избивать Чикале, свалили его на землю, отобрали пистолет, деньги, сорвали с пальца золотое кольцо и убежали.

К счастью, крики сторожа услышал оказавшийся поблизости офицер дорожной полиции Антонио Эспозито, который стал преследовать грабителей и сумел задержать одного из них. Им оказался американец Джеймс Паркер из Лос-Анджелеса, где он преподает в университете... римскую историю. В Рим он приехал для углубления своих познаний по этому предмету. Американский ученый арестован по обвинению в грабеже.

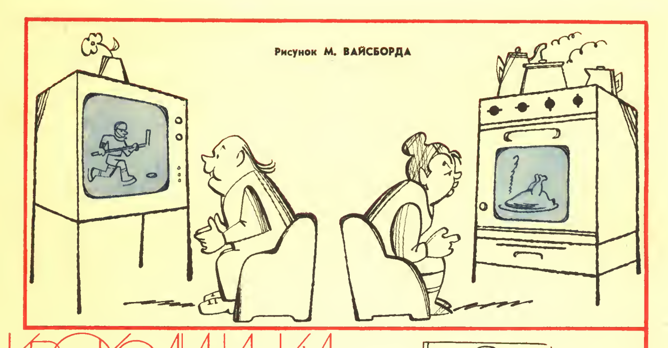

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

КРОКОДИЛИНКИ

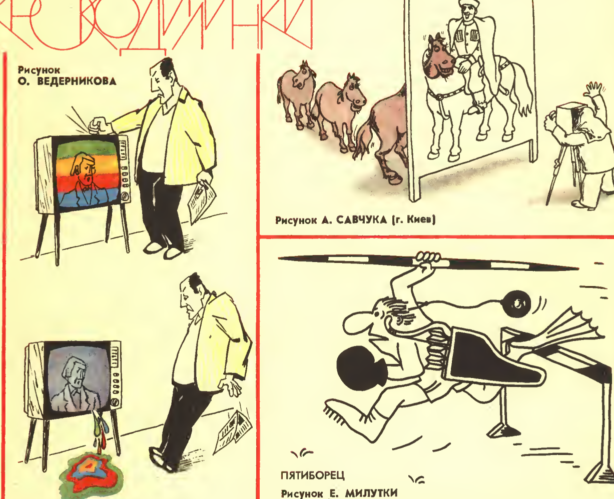

Рисунок О. ВЕДЕРНИКОВА

Рисунок А. САВЧУКА (г. Киев)

ПЯТИБОРЕЦ

Рисунок Е. МИЛУТКИ

— Ковер нигде не нашел, пришлось купить самолет!..

Рисунок Е. ГАВРИЛИНА

«Лица людей глубоко значительны — они наиболее удивительные творения природы».
Н. Лисогорский. Из неопубликованного (лока).

Чем больше корреспондент Крокодила (К. К.) вдумывался в эти слова, тем больше находил в них мудрого смысла. Одно его озадачивало: если это так, то зачем же тогда рисовать на людей шаржи? Хотя бы и дружеские. Об этом он для начала и спросил у Наума Моисеевича Лисогорского (Н. Л.)—невысокого, коренастого мужчины, с проседью в густой шевелюре и хитровато поблескивающими глазами за крупными стеклами массивных очков. Вопрос не застал его врасплох. Как каждый сатирик, он в любую минуту готов ко всяким неожиданностям. Тем не менее Н. Л. глубоко задумался (что говорит о его ответственном и уважительном отношении ко всем, исходящим от него словам).

— Как зачем?— наконец искренне удивился художник.— А разве не ясно зачем? По-моему, все ясно.

— Тогда другое дело,— сказал К. К.— А вы действительно уверены, что лицо человека более удивительное творение природы, чем, скажем, камень или дерево?

— Несомненно. А вы не согласны? — усмешливо спросил Н. Л., во всем блеске демонстрируя свое искусство полемиста.

— Конечно, согласен,— кивнул К. К.— Просто порой приятней смотреть на дерево или камень, чем на иное лицо. Но вернемся к теме нашей беседы. Известно, что с детских лет вы любите рисовать шаржи на писателей. Чем это объясняется? Их лицами? Или чем-нибудь еще?

— Любовью к книгам,— признался художник.— Мой девиз—не покупать книги, а читать их.

К. К. с надеждой уставился на художника.

— А как это делается? Поделитесь, ради бога, секретом.

— Никакого секрета нет. Просто я беру книги сразу в четырех библиотеках.

— И не отдаете?

— Ну что вы! Конечно, отдаю.

— Замечательно. А что особенно привлекает вас в лицах писателей?

— О, это серьезный вопрос. Очень часто невыразительная внешняя оболочка не может передать всей внутренней значительности и богатства души человека. А я как сторонник психологической карикатуры помогаю лучше выявить внутреннюю сущность...

— То есть делаете так, чтобы внутренняя оболочка соответствовала наружной?

— Если хотите, то именно так,— согласился художник.

В этот момент К. К. невольно припомнилось, как один известный художник показал ему дружеский шарж. Увидев его, К. К. в испуге отшатнулся: «Кто этот злодей?»

—«Неужели не узнал?! Это ты! Именно таким я вижу тебя»...— с невинной улыбкой сказал художник.

— А всегда ли объект шаржа доволен своим изображением?— с понятным интересом спросил К. К.

ШУТЯ СХВАТИТЬ ХАРАКТЕР

— Как правило, доволен.

— Но когда-нибудь это может плохо для вас кончиться,— по долгу честного человека предупредил К. К.

— Не думаю, — уверенно возразил художник.— Впрочем, все может быть. Однажды меня настиг разъяренный литератор, голос его прерывался от возмущения, а кулаки так и летали у моего носа. «Вы сделали меня всеобщим посмешищем! Как вы смели? Зачем вы нарисовали у моего горла пробочник? Теперь все будут думать, что я пьяница». Тщетно я уверял его, что это вовсе не пробочник, а замок-молния.

— Врубель,— заметил К. К. — когда-то сказал: «Нарисуй эту коробку спичек. Не можешь и не нарисуешь. Ну где же нарисовать глаз женщины?» А вот вы нарисовали тысячи лиц. И все такие разные. Это, наверное, очень трудно...

— Да, не просто,— скромно признался художник.

— Не так давно в Центральном Доме литераторов и в Центральном Доме работников искусств состоялись выставки ваших работ,—сказал К. К.— В книгах отзывов лучшей я считаю коротенькую запись писателя Бакланова: «Всю жизнь завидую такому дару: ведь шутя-шутя вы схватываете суть характера». Но вот две записи я просил бы вас прокомментировать. Первая: «Особенно радует поразительное портретное сходство шаржей Лисогорского». (Заметим в скобках, что однажды Н. Л. нарисовал шарж и на вашего покорного слугу— К. К., на котором он почему-то был похож на другого — более известного и талантливого писателя. Впрочем, решил К. К., может быть, так и надо. Может быть, это тонкий намек или доброе пожелание.)

— Я уже сказал: мое кредо—реалистический рисунок, реалистический даже в карикатуре,— терпеливо объяснил художник.

— Ясно. И вторая запись: «Дружеские шаржи настолько хороши, что не найдешь ни одной отрицательной черточки даже через электронный микроскоп». Очевидно, автор этой записи хотел сделать вам комплимент. Как вы относитесь к нему?

— Как ко всякому комплименту. С некоторым недоверием и с известным удовольствием.

— А не приходилось ли вам слышать упрек в комплиментарности?

Художник с улыбкой посмотрел на корреспондента и покачал головой.

— Приходилось. От друзей. Но от врагов — никогда!

— Понятно,— сказал К. К.— Ведь вы рисовали карикатуры на Чемберлена, Черчилля, Гитлера, Геббельса, Аденауэра, Форрестола и многих других врагов мира и социализма. К слову, вы известны как мастер острого сатирического рисунка на международные темы. Один американец назвал вас даже агитатором.

— Да, был такой случай. Что ж, это лестная оценка моего труда. Я действительно считаю себя агитатором, бойцом партии. Меня глубоко затрагивают все международные события, и я стараюсь передать свое отношение к ним в рисунке.

— А где вы берете типажи для своих сатирических рисунков? И не связано ли это с известным риском?

— Что поделаешь, труд сатирика всегда связан с риском. Но к этому привыкаешь, как привыкает к опасности сапер или верхолаз. В 1929 году я послал рисунок на конкурс «Крокодила». Он был напечатан. Как сейчас его помню: сидят два студента в столовой. Один держит в руке волосок и говорит: «О, у нас новый повар. Старый был рыжий». Едва вышел журнал, я помчался на вокзал, купил билет на поезд и поехал куда глаза глядят. И не зря. На рисунке в виде студентов я изобразил двух своих приятелей. Потом узнал: они искали меня по всему городу.

— Кстати, ведь это был ваш первый рисунок, опубликованный в «Крокодиле» и вообще в центральной печати. Значит, с тех пор прошло уже пятьдесят лет, целых полстолетия.

— Для меня они пролетели как один миг. Но я пока еще не собираюсь складывать кисти и карандаши...

— С чем я вас и поздравляю. А теперь, по-моему, как раз и подоспело время рассказать о ваших жизненных вехах...

— Ну, что ж,— согласился художник,— если надо, я готов. Правда, из этих вех дома не построишь. Окончил (кое-как) Одесскую художественную профессиональную школу. Еще в школе увлекся рисованием портретов писателей. Потом для заработка писал портреты на заказ — рисовал толстые рожи деляг и торгашей, одновременно проникался к ним острой ненавистью и украдкой делал на них шаржи. Работал в газете «Комсомолец Украины», в начале 30-х годов переехал в Москву. Сотрудничал в «Вечерке» и «Комсомолке», «Крокодиле». Когда началась война, добровольцем ушел в армию. Служил в армейской газете. Рисовал карикатуры на фашистов. Часто рисовал бойцов. Бывало, на передовой выстраивались целые очереди бойцов, желающих получить свой «портрет». Имею фронтовую медаль «За отвагу» и орден Красной Звезды. Ну вот, пожалуй, и все. Участвовал во многих выставках, в том числе и международных. Награжден золотой медалью Советского комитета защиты мира «Борец за мир». Очень горжусь этой наградой.

— И, наконец, последний, но не самый простой вопрос. Довольны ли вы своей творческой судьбой? (Поскольку при этих словах художник так энергично кивнул, что массивные очки едва не слетели с его носа, К. К. посчитал возможным продолжить вопрос.) В таком случае не могли бы вы поделиться с читателями «секретами» своего мастерства?

— С удовольствием. Самый главный секрет — это, конечно, труд, поиск. Как правило, сама тема подсказывает мне манеру рисунка. Я не сторонник однообразного стиля, это, на мой взгляд, ограничивает возможности художника, сводит все к набору условных символов и типажей. Карикатура не может быть безликой, каждое лицо—это характер... Есть характер или характеры в рисунке — есть рисунок. Это — главное.

— Я бы добавил: есть талант — есть художник. А талант это как раз то, что позволяет художнику увидеть правду жизни и в свойственной ему форме отобразить ее на бумаге,— заметил в заключение беседы К. К. и от души пожелал художнику крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Беседу вел Г. МАРЧИК.

Борис ПОЛЕВОЙ

Андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

Юлия ДРУНИНА

Евгений ЕВТУШЕНКО

Борис МОЖАЕВ

Татьяна КУЗОВЛЕВА

КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ» КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ» КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ» КОНКУРС «ЧЕТЫРЕ СТРОКИ»

Юрий БЛАГОВ

Без оглядки

Каким я раньше был —
 заднем.
Без сожаления и вздоха, —
Я не живу вчерашним днем,
Мне и в сегодняшнем
 неплохо.

г. Москва.

Николай КИРЬЯНОВ

Портрет

Недавно вышел сборник
 в свет.
В начале сборника —
 портрет.
А если б не было портрета,
Мы не узнали бы поэта.

г. Тула.

Петр ГРАДОВ

Дирижер

Хотя довольно молодой,
Но он — из настоящих.
Он выразительней спиной
Иных, лицом стоящих.

г. Москва.

Борис РЯБИКИН

Лесная тревога

Волнуются даже синицы:
— Нужны неотложные меры!
Нет больше непуганой птицы,
Не пуганы лишь браконьеры.

г. Москва.

«В случае пожара вне вашей комнаты — если коридоры и лестничные клетки задымлены и покинуть помещение нельзя, оставайтесь в вашем номере. Закрытая, смоченная водой и хорошо уплотненная дверь надолго защитит вас. Подойдите к окну и взывайте о помощи».

(Из правил противопожарной безопасности в гостинице «Николаев».)
Прислал Л. Попов, г. Николаев.

«24 октября 1978 года в помещении проходной фабрики воскресенская санэпидстанция будет готовить отравленную приманку для населения (приносить с собой рыбу или любой продукт в целлофановом мешочке) к 9 часам.

Санэпидстанция».
Прислал Т. Исаев, Воскресенский район, Московской области.

«Были высажены пирамидальные тополя. Мне кажется, что потому он и называется пирамидальным тополем, что растет строго горизонтально, имеет своеобразную крону».

Газета «Слава шахтера», г. Гуково.

«Рекомендовать руководителям предприятий, организаций и учреждений, колхозов и совхозов считать каждую третью пятницу недели единым санитарным днем».

Газета «Заря», Советский район, Саратовской области.

«Отдел заказов обеспечит Вам экономию времени и удобства».

(Объявление в гастрономе «Центральный».)
Прислала Н. Бурова, г. Свердловск.

«Кто желает застраховать себя от несчастного случая и детей, обращайтесь в бухгалтерию».

(Объявление в СМУ противопожарной автоматики.)
Прислала Л. Горбачева, г. Уфа.

«Уважаемые участники, разбейтесь по породам и приготовьтесь к параду».

(Объявление на выставке собак.)
Прислал Н. Щербачев, г. Тула.

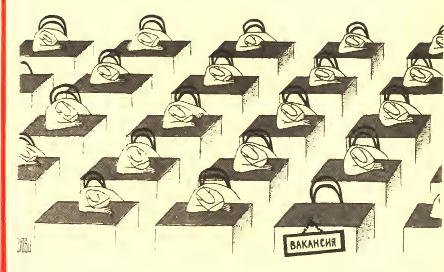
«В нашем районе много истинных любителей спорта, но есть и лжелюбители, такие, например, как А. М. Моносов, водитель МСО. Во время одной из встреч по футболу он так «наболелся», что смог доехать только до площади, что в центре села. Здесь и улегся рядом с мотоциклом. Похмелье для обоих было тяжелым — по 50 рублей штрафа».

Газета «Трудовая слава», Угловский район, Алтайского края.

«Плохо управляя мотоциклом, Никитенко совершил столкновение с мотоциклистом Фырловым. Недалеко от Никитенко откатился и сам Фырлов. Он неоднократный нарушитель правил движения.

В совхозах «Харьковский», «Рассвет», имени Чкалова, имени Жданова подростки чувствуют себя неуловимыми. Такие ездоки мчатся на бешеной скорости, родители которых гордятся своими пасынками».

Газета «Коммунистический труд», Краснокутский район, Павлодарской области.

«Урзика», Румыния.

Разговор между подругами:
— Я была сегодня в магазине и купила материю на подвенечное платье.
— Что ты говоришь, Эльза! Ты собираешься замуж! Надеюсь, ты сделала хороший выбор!
— Я в этом уверена. Материя просто великолепная! Тридцать пять крон за метр!

— Ты попросил у моего папы разрешения на наш брак!
— Да. Я позвонил ему по телефону, и он мне ответил: «Не знаю, кто это говорит, но я не возражаю!»

●

— Это очень красивая картина, мистер Джонсон. Кто ее рисовал!
— Не знаю. Я купил ее уже готовой.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ

ААПЕЛИ (Финляндия)

Советы супружеской паре

Не удивляйтесь, почему это я так стремлюсь давать советы супругам. Я человек женатый, а все мужчины, став мужьями, любят, как известно, давать такие советы. Это одна из немногих радостей, которые у них остаются.

Итак, советы мужу.

Никогда особенно не задумывайтесь, когда жена спрашивает вас, что вы хотите. Помните, что слово «хочу», произнесенное вами, вызывало у вашей подруги интерес только тогда, когда во время брачной церемонии вас спрашивали, хотите ли вы взять в жены такую-то.

Никогда не спорьте с женой, как назвать ребенка. Если даже вы настоите на своем, вы можете потом крупно пожалеть об этом. Женщины, как известно, упрямы и могут рожать до тех пор, пока вы не согласитесь, чтобы сына назвали Вилли.

Советы жене.

Хорошая жена всегда должна помнить, что у мужа обычно очень артистичная и обидчивая натура. Если, например, он придет в три часа ночи и, икая, скажет, что гулял по улицам, наслаждаясь звездами, никогда не пытайтесь поставить это под сомнение. Иначе оскорбленное авторское самолюбие мужа может заставить его глубоко обидеться.

О подарках.

Мужу делать подарок легче легкого. Рекомендуется взять его старый галстук, отдать в химчистку и потом преподнести его завернутым в целлофан.

Подарок жене сделать еще легче. Один мой знакомый посылал свою жену в такие дни в очень и очень далекую страну, не указывая точного адреса, а говоря лишь «куда подальше».

Умная жена твердо знает, что ее муж никогда не увлекается другими женщинами. Если, например, она случайно найдет в кармане мужа дамскую шпильку или, скажем, чулок, она лишь посмеется и скажет:

— Какой ты, однако, у меня недоверчивый, милый! Все хочешь проверить, не ревнива ли я. Я ж понимаю: это шутка!

Но займемся детьми. Когда вашему любимому сыну исполнится шестнадцать и он начнет надолго пропадать, прихватив с собой ваши сигареты, будьте внимательны. В один прекрасный день он сообщит вам, что женится на официантке из соседнего кафе. Не волнуйтесь, потому что через неделю официантка уже займется другим молодым человеком, а ваш сын заявит, что разочаровался в человечестве и смотрит на развитие цивилизации скептически.

Если, с другой стороны, ваша дочь однажды утром заявит вам, что она и Путти скоро поженятся, готовьтесь к появлению в доме длинноволосого парня. Нет смысла оттягивать согласие на брак, так как вне зависимости от вашего согласия все равно скоро понадобятся пеленки.

Таким образом, чуткость и взаимопонимание приведут супружескую пару к серебряной и золотой свадьбе. На этом торжестве вы целуете друг друга и уверяете, что никогда не выглядели моложе. Про себя вы усмехаетесь, зная, что это не совсем так, но разве брак может быть счастливым, если говорить только правду?

Перевел Л. Л.

●

Браун набирает номер телефона.

— Принает,— говорит он.— Миссис Браун!

— Да.

— Это Джек. Ты не будешь аозражать, если и нам придет обедать дюжина веселых парней!

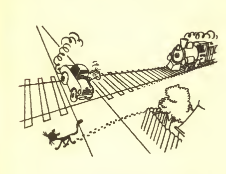
— Конечно нет, дорогой!

— Алло, ты слышала, что я сказал!

— Да, дорогой, ты спросил, можно ли принести с собой дюжину веселых парней пообедать. Да, конечно, можешь, дорогой.

— Прошу прощения, мадам, я неправильно набрал номер,— бормочет Браун и вешает трубку.

●

«Биллед-бладет», Дания.

широт

— *Я работаю у вас уже полгода, синьор Мирелли, и хотел бы узнать, когда у вас выдают зарплату?*

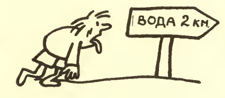
«Эспрессо», Италия.

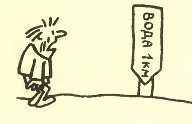
●

— Когда я выйду на пенсию, то абсолютно ничего не буду делать. Первые месяцы буду просто сидеть в кресле-качалке.

— А потом!

— А потом начну раскачиваться...

«Павлиха», Югославия.

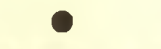
●

Молодому человеку страшно не хотелось быть призванным на военную службу, поэтому на медицинской комиссии он сказал старшему врачу, что не может ни есть, ни пить, ни спать.

— Великолепно!— восхитился врач, пожимая руку молодого человека.— Побольше бы таких, как вы, Джонс, и наши расходы на военные нужды сократились бы сами собой!

●

Администрация лондонского отеля попросила французского юмориста Сашу Гитри расписаться в книге почетных гостей. Он прочел предыдущую запись, которая гласила: «Барон де Резнин со слугой». Ниже Гитри написал: «Саша Гитри с чемоданом».

Сержант обращается к новобранцам:

— Сегодня есть работа для настоящих лентяев. Поднимите руку, кто хочет ею заняться.

Все солдаты дружно подняли руку, кроме одного.

— А ты почему не поднял руку, Свенссон!

— Лень, господин сержант...

●

Разговор двух нищих:

— Ты знаешь, что случилось с Джорджем!

— Нет, а что!

— Он пошел на работу.

— Я всегда подозревал, что за деньги он готов на все.

Слова, слова...

В человеке все должно быть прекрасно, особенно характеристика.

Питер Дан, английский юморист.

Бывает, даже эхо принимают за возражение.

Бушменская пословица.

Избитые истины уцелели главным образом потому, что выработали стойкий иммунитет к побоям.

Избитая истина.

Один старый недостаток лучше двух новых.

Из исследований новозеландских психологов.

Вилли БРЕЙНХОЛСТ (Дания)

НЕВЕСТА С МИЛЛИОНОМ

Фабрикант Симмерберг оказался в затруднительном положении. Иначе говоря, попал в переплет. Фабрика его не выдерживала конкуренции, банк отказал в кредите, а испуганные заказчики отменяли свои заказы.

Виллу его описали, мебель вывезли, а личная секретарша сбежала с ревизором. Короче говоря, жить не хотелось. Но нужно было. Впрочем, еще нужнее был оборотный капиталец, чтобы хоть как-нибудь выползти живым из передряги.

Симмерберг перебрал все варианты, начиная от молитв и кончая ограблением банка, но вынужден был признать их малую надежность. Оставалось последнее средство: жениться на богатой вдове. То есть не обязательно на вдове, но обязательно на богатой.

— Вот, пожалуйста,— сказал служащий брачного бюро «Амур».— Ей нет еще и тридцати, жизнерадостна, обладает отличным здоровьем. Как раз для такого джентльмена, как вы. Владелица массажной клиники. Требует от жениха положительных взглядов и чтобы его состояние было не меньше...

— Массаж — это прекрасно,— сказал Симмерберг,— но насчет состояния мне самому хотелось бы...

Служащий все понял.

— Тогда надо смотреть в другой картотеке,— сказал он и вытащил несколько фотографий.

— Что вы скажете об этой особе? Вдова, не стара еще, двадцать пять тысяч крон плюс собственный дом в Копенгагене.

— Не стара, вы говорите? Гм... Впрочем, что такое двадцать пять тысяч в наше время? При такой инфляции...

Служащий пожал плечами.

— А эта? Трижды разведена, сто тысяч крон.

— Трижды разведена?

— А почему вас это удивляет?

— Видите ли, с ее фигурой я бы скорей поверил, что она похоронила трех мужей. Это же мастодонт!

— Почему вы так решили, господин Симмерберг? Всего девяносто восемь килограммов.

— Почти по тысяче крон за килограмм,— пробормотал фабрикант.

— Что вы говорите?

— Нет, нет, ничего, но поймите меня правильно...

Служащий понял.

— Интеллектуалка, вдова двух хирургов...

— Как, сразу двух?

— По очереди. Подвижная. Шестикомнатная квартира в шикарном районе города. Двести тысяч. Почти юная...

— Юная? — возмутился Симмерберг.— Моя бабушка, когда ей исполнилось семьдесят, выглядела много моложе. С другой стороны, двести тысяч — это уже нечто, но мне тем не менее хотелось бы... что-нибудь порядка полумиллиона...

— Найдется и такая. Вот одна — состояние ровно миллион. Вдова фабриканта. Возможно, она вас заинтересует...

— Заинтересует? Что вы говорите? Где она? Где ее фото? Я весь трепещу...

Служащий решительно захлопнул папку с фотографиями.

— Простите, господин Симмерберг,— сказал он,— но ее фото мы не рискуем показывать никому.

Перевел О. КОСТРОВ.

КРОКОДИЛ

№ 3 (2265)

январь

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, В. Владов, Е. Гаврилин, Р. Друмман, Г. Караваева, В. Майоров, Е. Милутка, В. Мохов, И. Норинский, А. Савчук, А. Скотаренко, Ю. Черепанов.

■

НАШ АДРЕС:

102455, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, д. 14

ТЕЛЕФОНЫ:

250-10-86
253-34-37

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 28.12.78. А 07802. Подписано к печати 04.01.79. Формат бумаги 70×108[1]/8. Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54. Тираж 5 800 000 экз. (1-й завод: 1—3 591 150). Изд. № 52. Заказ № 3306.

Фотоформы изготовлены в ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865. Москва, А-47, ул. «Правды», 24. Отпечатано в ордена Трудового Красного Знамени типографии Издательства ЦК КП Узбекистана, г. Ташкент, ул. «Правды Востока», 26. Тираж 5800000 (3 завод 4100001—4500000). Заказ № 87.

НАТОВСКОЕ СИТО
Рисунок М. АБРАМОВА
НАТО
военные расходы